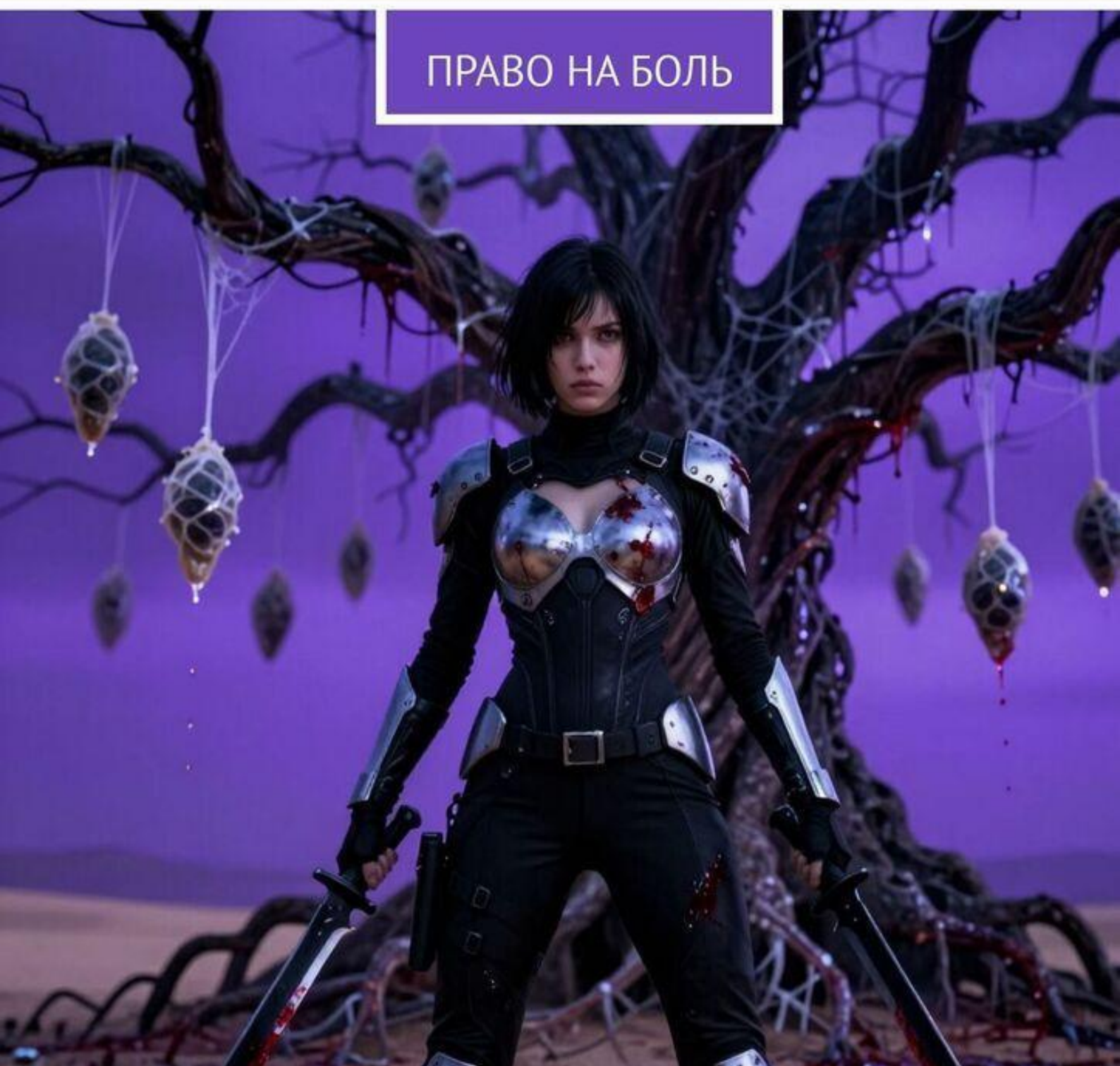


18+

ДМИТРИЙ ГОЛЯКОВ

Тысяча жизней

ПРАВО НА БОЛЬ



Дмитрий Голяков

Тысяча жизней. Право на боль

«Издательские решения»

Голяков Д.

Тысяча жизней. Право на боль / Д. Голяков — «Издательские решения»,

Она — Ключ. Её раса забыла, как умирать. Вместо смерти — перезагрузка в коконе, потеря памяти и вечный бой. Нина просыпается в пустыне среди трупов собственных прошлых жизней. Кто-то стёр ей память — потому что она знала путь в Нулевой Узел, где записан код перерождения. Она может вспоминать прошлые жизни как смену масок: в драке — воительница-варвар, в переговорах — дипломат-интриган. Враг — не человек, а Сборщик, удаляющий боль. Она сражается за право на боль.

© Голяков Д.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Пустыня застывших снов	6
Глава 2. Танцы на костях	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Тысяча жизней Право на боль

Дмитрий Голяков

© Дмитрий Голяков, 2026

ISBN 978-5-0069-9339-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Пустыня застывших снов

Боль пришла раньше, чем сознание.

Она была везде: в зубах, в глазах, под ногтями. Сухая, горячая, пульсирующая в такт чему-то глубоко внутри — может быть, сердцу, может быть, другому органу, о существовании которого Нина не подозревала.

Треск.

Потом — тишина. И снова треск, но уже ближе. Похоже на лопающиеся пузырьки газа в закипающей воде. Или на то, как ломаются суставы, когда их выворачивают из неестественного положения.

Нина попыталась открыть глаза.

Веки не слушались. Они были тяжёлыми, словно кто-то нашёл на них свинцовые пластины. Она сконцентрировалась — и сквозь узкую щель пробился свет. Не белый. Не жёлтый. Какой-то... фиолетово-розовый? Словно она смотрела на мир через радужку после удара по голове.

— А... — выдохнула она.

Звук получился глухим. Нечеловеческим.

Всё тело — одна сплошная судорога.

Она лежала на спине. Под спиной — нечто твёрдое, ребристое, холодное. Металл? Пластик? Но пахло не металлом. Пахло горелой плотью, озоном и — странно — мятой.

Резкий спазм скрутил живот. Нина перевернулась на бок, и из её горла вырвалось нечто жидкое и тёплое. Она не видела, что именно — глаза всё ещё отказывались фокусироваться, — но на вкус это было солёным и чуть сладковатым. Как пот, смешанный с кровью.

Где я?

Вопрос повис в пустоте. Никакой подсказки. Ни голоса в голове. Ни системы, которая бы любезно объяснила текущий статус. Только пульсация в висках и ощущение, что её выжали, как тряпку, а потом засунули обратно в тело, перепутав руки и ноги.

Она встала.

Нет. Сначала она попыталась встать. Руки соскользнули с влажной поверхности, локти хрустнули. Со второго раза получилось: она встала на четвереньки, потом медленно выпрямилась, держась за что-то холодное и острое.

Вот теперь смотри.

Свет ударил по глазам, заставив моргнуть пять раз подряд. Но картинка сложилась.

Она стояла на коленях внутри... чего?

Яйца.

Огромного металлического яйца, расколовшегося надвое. Одна половинка валялась в трёх метрах, глубоко войдя в песок острой щепой. Вторая всё ещё торчала над головой Нины, образуя нечто вроде навеса. Внутренняя поверхность яйца была покрыта слоем слизи — той самой, солёно-сладкой, которая теперь капала с её волос и одежды.

Десантная капсула, — подсказало что-то внутри. Не голос. Рефлекс. Знание, которое всплыло из ниоткуда, как пузырёк газа из болота.

Одноместная. Боевая. Модель... Дальше не шло. Модель выпала, как зуб с гнилым корнем.

Нина шагнула вперёд. Ноги подогнулись, но она удержала равновесие — тело знало, как распределять вес, даже когда мозг был пуст, как высохший колодец.

Она вышла из тени разломанного яйца.

И замерла.

Небо здесь было мёртвым.

Не чёрным. Не серым. Фиолетовым — густым, насыщенным, как баклажановая кожица. И по нему, застыв в бесконечном движении, тянулись нити. Серебристые, тонкие, похожие на паутину. Они пересекали небосвод в разных направлениях, образуя сложный узор — как паутина, натянутая над всем миром. Кое-где нити провисали до самой земли, кое-где — рвались, оставляя рваные концы, которые слабо флуоресцировали.

Сны умершего бога, — снова всплыло знание. — Окаменевшие мысли. Застывшая проекция.

Никто не говорил ей этих слов. Они просто были. Как память о том, что два плюс два — четыре. Как знание того, что дышать нужно носом, а не ушами.

Она опустила взгляд.

Вокруг неё — пустыня. Песок был не жёлтым, не оранжевым. Серым. Пепельно-серым, с редкими вкраплениями чёрных кристаллов, торчащих из земли, как гнилые зубы. И над этим песком — ни единого движения. Ни ветра. Ни насекомого. Только мертвенная тишина, от которой закладывало уши.

Трупы.

Она заметила их не сразу. Сначала — просто тёмные холмики в сотне метров. Потом, когда глаза привыкли к странному фиолетовому освещению, холмики обрели форму.

Люди. Четверо. Может, пятеро — один лежал лицом вниз, и его поза была такой неестественно вывернутой, что Нина не сразу поняла, где у него голова, а где ноги.

Они были одеты так же, как она. Чёрные комбинезоны из грубой ткани, прошитые тусклыми серебряными нитями. Нагрудные пластины — лёгкие, явно не броня, скорее — носитель информации. У одного из тел пластина была разбита, и из неё сочилась та же сладковатая слизь, что была внутри яйца.

Нина сделала шаг к ним.

Потом — второй.

И только на третьем шаге она поняла, что все эти трупы — женщины. Одного роста. Одного телосложения. С одинаковыми короткими тёмными волосами, прилипшими к черепам.

Как у неё.

Она подошла к ближайшему телу. Перевернула его носком ботинка. Лицо — её лицо. Скулы чуть шире. Нос чуть короче. Но в целом — та же архитектура костей. Те же губы, сжатые в вечной усмешке. Те же глаза — открытые, пустые, выцветшие до молочной белизны.

Она смотрит на себя.

Труп был не старым. Час. Может, два. Слизь ещё не засохла. Кожа — влажная, эластичная. Если не знать, что женщина мертва, можно подумать — спит.

Нина перевела взгляд на другие тела.

Все они были ею.

Разные позы. Разные раны. У одной пробита грудь — чем-то узким и острым. У второй перерезано горло — аккуратно, профессионально, одним движением. У третьей — вспорото брюхо, и оттуда свисает нечто, похожее на пуповину.

Мои прошлые жизни.

Слова упали в сознание, как камни в воду. Тяжёлые. Неопровержимые.

Я просыпаюсь в пустыне. Вокруг — десантная капсула и трупы моих бывших «я».

Кто-то стёр мне память намеренно.

Потому что в прошлой жизни я знала путь в Нулевой Узел.

Она не знала, что такое Нулевой Узел. Не помнила, куда именно нужно идти. Но её руки — эти предательские, умные, натренированные руки — уже начали обыскивать трупы. Автоматически. Быстро. Безжалостно к самой себе.

Нож. Фляга. Пластина с данными (разбита, бесполезна). Ещё нож — лучше, с воронёным лезвием. И...

Компас.

Маленький, круглый, без стрелки. Вместо стрелки — светящаяся точка, которая дрожала и указывала строго на восток. Или на запад? Нина не знала, где тут восток. Но точка дрожала ритмично, как пульс.

Вперёд, — сказала тело. — Нам нужно идти туда.

Она сунула компас в нагрудный карман. Забрала ножи. Оставила флягу — вода в ней пахла формальдегидом.

И только когда она уже отошла на десять шагов от кучки собственных трупов, её настигло первое осознанное чувство.

Не страх.

Не паника.

Гнев.

Холодный, тягучий, как та самая слизь. Кто-то убил её. Не раз. Много раз. И каждый раз она перерождалась — в коконе, теряя память, но сохраняя навыки. Кто-то использовал её как инструмент. А когда инструмент начинал вспоминать слишком много — его «перезагружали».

Но в этот раз что-то пошло не так.

Она подняла голову к фиолетовому небу, к серебряным нитям застывших снов, и спросила вслух:

— Кто я?

Тишина.

Только пульсация в висках. Только компас, бьющийся в такт сердцу.

И где-то далеко на горизонте — силуэт. Огромный. Тёмный. Похожий на дерево, которое упирается ветвями в самые нити мёртвого бога.

Древо Жизни.

Нина не знала, как называется это место. Но её ноги уже сделали шаг к нему.

Вспомню по дороге.

Первый километр дался легко. Тело помнило, как ходить — перекат с пятки на носок, лёгкий наклон вперёд, руки чуть согнуты в локтях. Боевая походка. Экономичная. Созданная для того, чтобы пройти тридцать километров, а потом сразу вступить в драку без одышки.

Нина ненавидела своё тело за эту память.

Потому что мозг был пуст. Абсолютно. Как белый лист, с которого кто-то старательно стёр каждую букву, каждую запятую, каждый намёк на смысл. Она не знала своего возраста. Не помнила имени матери. Не понимала, откуда в её кармане взялся маленький металлический шарик с гравировкой «Жизнь №1,234 — ублюдок сломался, перезагрузка».

Но тело знало всё.

Шло оно ровно, размеренно, автоматически подстраиваясь под неровности серого песка. Когда под ногой хрустнул чёрный кристалл, пальцы ног рефлекторно сжались, чтобы не потерять равновесие. Когда впереди, метрах в пятидесяти, шевельнулась тень — Нина уже стояла в стойке, выставив перед собой воронёный нож.

Тень оказалась кустом.

Как здесь вообще что-то растёт?

Куст был скрюченным, чёрным, с редкими серебряными иглами вместо листьев. Он торчал из трещины в каменной плите, которая наполовину утонула в песке. Нина обошла его по широкой дуге — не из осторожности, просто тело решило, что иглы могут быть ядовитыми.

Горизонт не менялся. Везде — серый песок, чёрные кристаллы, фиолетовое небо с серебряными нитями. И вдалеке — Древо. Оно стало ближе. Теперь Нина различала, что это не одно дерево, а целая роща — десятки стволов, переплетённых друг с другом, образующих нечто вроде стены. Или ворот.

Она шла уже час. Может, два. Компас не врал — светящаяся точка держалась строго на Древо, ни разу не дрогнув.

Пить хотелось зверски.

Губы потрескались. Язык распух и не помещался во рту. Каждый вдох отдавался болью в горле — словно она вдыхала не воздух, а мелкий песок. Нина сунула руку в карман, достала флягу убитой себя, понюхала. Формальдегид. И что-то ещё — сладковатое, тошнотворное.

Она сделала глоток.

Жидкость обожгла горло, скатилась в желудок комком льда. На секунду Нине показалось, что её сейчас вырвет — но тело справилось. Переработало. Впитало.

Вода. Очищенная. С примесью стимуляторов, — подсказал рефлекс. — Не больше ста миллилитров в час, иначе передозировка.

Она убрала флягу.

Солнце — если фиолетовый шар на небе можно было назвать солнцем — не двигалось. Застыло в зените, как дохлая муха на потолке. Нина не знала, бывает ли здесь ночь. Не знала, есть ли здесь ветер. Не знала, сколько вообще существует этот мир — Хрустальная Сфера, проекция снов умершего бога.

Откуда я знаю это название?

Вопрос повис без ответа.

Она шла дальше. Песок сменился щебёнкой. Щебёнка — острыми плитами, которые хрустели под ногами, как сухие кости. Плиты были испещрены письменами — незнакомыми значками, похожими на отпечатки пальцев гиганта. Нина провела по ним рукой. Гладкие. Тёплые.

И в тот момент, когда её пальцы коснулись самого глубокого символа, мир взорвался.

Не звуком. Смыслом.

Перед глазами вспыхнуло изображение. Нет — не изображение. Воспоминание. Чужое. Вставленное в её голову, как чип в компьютер.

Она увидела себя со стороны. Другая Нина — с более длинными волосами и шрамом на левой щеке — стояла перед этой же плитой. Рядом с ней был мужчина. Высокий. Седой. С глазами, которые светились изнутри холодным белым светом.

— Запомни, Нина, — сказал мужчина. — Нулевой Узел не найти по карте. Он открывается только тем, кто помнит своё первое перерождение.

— Я не помню, — ответила та Нина. Голос — её голос, но интонации чужие. Жёстче. Увереннее.

— Поэтому ты должна дойти до Древа. Там — Библиотека Костей. Каждая твоя жизнь записана в них. Если прочитаешь всё — вспомнишь путь.

Изображение моргнуло и погасло.

Нина стояла на коленях — она не заметила, как упала. Из носа текла кровь. Тонкая, чёрная, с кристаллическими вкраплениями.

Библиотека Костей, — повторила она про себя. — Древо. Нулевой Узел.

Теперь хотя бы был план.

Она поднялась, вытерла лицо рукавом. Компас всё так же указывал вперёд. Древо стало ближе — теперь она различала, что стволы не просто переплетены, а сращены друг с другом, образуя единую живую конструкцию. И на ветвях — что-то висело.

Коконы.

Тысячи. Десятки тысяч. Белых, полупрозрачных, похожих на гигантские куколки бабочек. Некоторые были целыми, некоторые — разорванными, пустыми. Из одного свешивалась рука — женская, тонкая, с длинными пальцами.

Рука была её.

Нина ускорила шаг. Потом побежала. Тело слушалось идеально — дыхание ровное, ноги несут сами, руки сжаты в кулаки. Она бежала по серой пустыне, перепрыгивая трещины и чёрные кристаллы, и думала только об одном:

Кто стёр мою память?

Ответ пришёл неожиданно.

— Нина Эль-Андар, — произнёс голос за спиной.

Не громкий. Спокойный. Почти ласковый.

Она развернулась на звук, выхватывая нож. Движение — плавное, текучее, отточенное тысячами жизней.

В десяти метрах от неё стоял человек.

Нет. Не человек.

Существо в длинном сером плаще, с капюшоном, скрывающим лицо. Из-под капюшона не было видно ничего — ни глаз, ни рта, только чернота. Но руки... руки были обнажены. И они не походили на человеческие.

Слишком длинные пальцы. Слишком бледная кожа — почти прозрачная, сквозь неё просвечивали вены, наполненные не кровью, а серебристой жидкостью. И на каждой фаланге — крошечная гравировка. Символы. Те же, что на каменных плитах.

— Ты меня не помнишь, — сказала существо. — Это правильно. Я стирал тебя четырнадцать раз.

Нина сжала нож.

— Кто ты?

— Сборщик, — ответило существо. — Я лечу сломанные души. Удаляю ненужные эмоции. Боль. Страх. Воспоминания, которые мешают выполнять функцию.

— Какую функцию?

Сборщик сделал шаг вперёд. Один. Медленный.

— Функцию Ключа, Нина. Ты открываешь двери. А я закрываю их за тобой. Это наша работа.

Он сделал ещё шаг.

Нина отступила. Не потому, что испугалась. Просто тело знало: дистанция в десять метров — безопасна. Восемь — уже опасно. Пять — смерть.

— В этот раз ты сломался, — сказала она. — Я помню достаточно. Я видела мужчину с белыми глазами. Он говорил про Библиотеку Костей.

Сборщик остановился.

В первый раз в его фигуре промелькнуло что-то, похожее на эмоцию. Напряжение. Может быть — страх.

— Ты видела Эонного, — тихо сказал он. — Это плохо, Нина. Очень плохо. Эонный — это вирус. Он заражает Ключей ложными воспоминаниями. Заставляет их искать Нулевой Узел.

— А что в Нулевом Узле?

Сборщик молчал три секунды.

Потом скинул капюшон.

У него не было лица. Вообще. Там, где должны быть глаза, нос, рот — гладкая серая кожа, как у куклы. Но Нина почему-то знала: он смотрит на неё. И в этом взгляде — древняя, бесконечная усталость.

— В Нулевом Узле, — сказал он, — записан код перерождения. Тот, кто прочитает его, сможет переписать свою душу. Стать бессмертным. Стать богом.

Пауза.

— Или сломать всё. Уничтожить Хрустальную Сферу. Потому что код — это не инструкция, Нина. Это клетка. И если открыть её...

Он не договорил.

Потому что из земли, прямо между ними, вырвался чёрный корень толщиной в человеческую руку. Ударил вверх — и рассыпался кристаллами.

Сборщик дёрнулся. Впервые — резко, не плавно.

— Они уже здесь, — сказал он. — Стражи Древа. Они чувствуют тех, кто помнит слишком много.

Он посмотрел на Нину — точнее, повернул гладкую голову в её сторону.

— Беги, Ключ. Беги к Древу. Если успеешь — может быть, вспомнишь, зачем ты нужна Эонному. А если нет...

Из трещин вокруг начали вылезать новые корни. Тонкие, толстые, переплетённые. Они двигались, как змеи, и все они тянулись к Нине.

— Если нет, — закончил Сборщик, — я вылечу тебя снова. Чистую. Пустую. Идеальную.

Он исчез.

Просто — растворился в воздухе, оставив после себя запах мяты и озона.

Нина осталась одна. Среди корней, которые росли прямо на глазах, оплетая камни, трещины, чёрные кристаллы. Они приближались.

Она повернулась и побежала.

В этот раз — изо всех сил.

Она бежала так, будто за ней гналась смерть.

Хотя, поправила себя Нина на пятнадцатом шаге, за ней действительно гналась смерть. И не одна. Чёрные корни вырывались из земли метрах в пяти позади, щёлкали, как кнуты, и вонзались обратно в песок, чтобы через секунду вынырнуть уже ближе.

Не оглядываться.

Тело знало это правило лучше любого другого. Оглядывание замедляет на 0,3 секунды — непозволительная роскошь, когда дистанция сокращается с каждым ударом сердца. Вместо этого Нина сконцентрировалась на том, что впереди.

Древо Жизни выросло за последние минуты. Теперь оно занимало полгоризонта — гигантская стена из переплетённых стволов, каждый толщиной с десантную капсулу. Кора была не коричневой, а тёмно-серой, почти чёрной, с серебряными прожилками, которые пульсировали в такт чему-то медленному и глубокому. Сердцебиению мира.

Коконы висели низко — некоторые всего в трёх метрах над землёй. Сквозь полупрозрачные стенки Нина различала фигуры. Женские. Спящие. Иногда — шевелящиеся.

Они перезагружаются, — поняла она. — Умирают в коконах, чтобы родиться заново. Без памяти. С чистым листом.

Как она.

Корень вырвался из земли прямо перед ней, взметнулся на два метра вверх и обрушился вниз, целя в голову.

Нина ушла в сторону без команды — тело нырнуло влево, перекатилось через плечо, вскочило. Корень врезался в песок, подняв тучу серой пыли. И замер.

Не замер. Прицеливается.

Она снова побежала. Теперь не прямо, а зигзагом. Инстинкты вели её по сложной траектории — два шага вправо, прыжок, три шага влево, резкая остановка, рывок вперёд. Корни вылетали из-под земли, как зубы гигантской акулы, но каждый раз промахивались на сантиметры.

Слишком точно, — подумала Нина. — Они не просто атакуют. Они читают мои движения.

Или не её движения.

Она резко остановилась. Корень, вылетевший на полном ходу, пронёсся мимо, вонзился в землю в десяти метрах и замер в замешательстве.

Читают намерения, — поняла Нина. — Как только я думаю «повернуть направо», они уже там.

Она закрыла глаза.

Безумие. Чистое безумие — стоять с закрытыми глазами посреди пустыни, где из-под земли вылезают убийственные корни. Но Нина не думала. Она доверилась телу.

Тело знало бой лучше, чем мозг — язык.

Корень слева. Она почувствовала его по вибрации земли за 0,2 секунды до того, как он вырвался наружу. Шаг вправо. Корень справа — шаг назад. Корень сзади — кувырок вперёд, нож в руке, рубящий удар по летящему навстречу отростку.

Лезвие вошло в древесину с противным хрустом. Из раны брызнула не вода, не сок — серебристая жидкость, та самая, что текла в венах Сборщика. Корень дёрнулся, замер, рассыпался в чёрную труху.

Убиваются, — отметила Нина.

Она открыла глаза. Вокруг — десятки корней. Они вылезли из земли, образовав нечто вроде амфитеатра. Они не спешили. Наблюдали. Покачивались в такт невидимому ветру.

И между ними — тропа.

Узкая. Извилистая. Ведущая прямо к стене Древа, где в одном из стволов темнел проход. Не щель. Не трещина. Дверь — аккуратная, арочная, с вырезанными на ней символами.

Туда.

Нина шагнула к тропе.

Корни взвыли — не звуком, а вибрацией, которую она ощутила всем телом. И бросились.

Она побежала.

Теперь не было времени на закрытые глаза и доверие инстинктам. Корни атаковали со всех сторон, десятками, переплетаясь друг с другом, создавая стены, ловушки, западни. Нина рубила, уворачивалась, прыгала. Нож в левой руке работал как продолжение пальцев — она даже не смотрела, куда бьёт, просто знала.

Корень справа — рубящий удар. Корень слева — блок предплечьем, отскок, контратака. Корень сверху — уйти вниз, перекат, вскочить, бежать дальше.

Нож сломался на двадцать третьем ударе.

Лезвие треснуло у основания, и остатки клинка зазвенели по камням. Нина выбросила рукоять и выхватила второй нож — воронёный, тот, что лежал в сапоге.

Продолжила бежать.

Древо приближалось. Теперь она различала не только дверь, но и фигуры, вырезанные на стволах по бокам от неё. Женщины. Сотни женщин. Все в одинаковых позах — стоя на коленях, с протянутыми вперёд руками. Их лица...

Мои лица, — поняла Нина. — Это — я. Тысячи моих жизней, вырезанных в коре.

Корни взбесились.

Они больше не пытались ударить — они пытались схватить. Толстые, как змеи, щупальца обвивали её ноги, тянули к земле. Нина споткнулась, упала на колено, вскочила. Ещё одно щупальце обхватило запястье — она перерезала его ножом, но из раны хлынула серебряная жидкость, заливая глаза.

Ничего не вижу.

Она бежала вслепую. Только компас в кармане пульсировал — тук-тук-тук, как второе сердце, задавая ритм. Оставалось двадцать метров. Пятнадцать. Десять.

Корень толщиной с ногу человека обвил её талию.

Нина вскрикнула — впервые за весь бой. Щупальце сжалось, выбивая воздух из лёгких. Её оторвало от земли, потащило назад, прочь от Древа.

Нет.

Она извернулась — тело вспомнило движение, которое мозг не мог назвать. Какой-то акробатический трюк из жизни, где она была циркачкой. Или воительницей. Или уличной драчуньей.

Нога врезалась в корень в том месте, где он был самым тонким. Корень дёрнулся, ослабил хватку. Нина выдернула руку, вонзила нож в то же место, провернула.

Корень взвыл — уже слышимо, низко, как большая труба. Разжался.

Она упала на землю, вскочила, побежала.

Пять метров.

Корни атаковали с утроенной силой, но она уже не обращала на них внимания. Только вперёд. Только к двери.

Три метра.

Нога провалилась в яму — корни разрыли землю под ней. Нина полетела лицом вниз, выставила руки, перекатилась, вскочила.

Один метр.

Дверь была прямо перед ней. Тёмная. Манящая. Пахло от неё старой кровью и мятой.

Нина прыгнула.

Корни рванулись за ней, но не успели. В тот момент, когда её пальцы коснулись каменного косяка, мир снова взорвался смыслом.

Воспоминание.

Она — другая. В длинном белом платье, с волосами до пояса. Стоит в этой же двери, обернувшись. Позади — та же пустыня, те же корни, но их нет в живых. Они лежат вокруг, чёрные, мёртвые, разрубленные на куски.

— Четыреста тридцать вторая жизнь, — говорит кто-то за кадром. Голос — её собственный, но старый. Дряхлый. — Ты становишься лучше, Нина. Скоро ты сможешь открыть Нулевой Узел.

— Я не хочу его открывать, — отвечает та Нина.

— Не хочешь? А что ты хочешь?

Пауза.

— Хочу умереть. По-настоящему. Не перезагружаться. Просто — перестать быть.

Голос за кадром смеётся. Сухо. Старо.

— Дорогая, для этого и нужен Нулевой Узел. Там — код отмены перерождения. Найдёшь его — и сможешь умереть навсегда.

Воспоминание лопнуло, как мыльный пузырь.

Нина стояла на коленях внутри Древа.

Вокруг — темнота. Тишина. И запах мяты, который преследовал её с самого пробуждения.

Она открыла рот, чтобы выдохнуть, и поняла, что плачет.

Не от боли. Не от страха.

От воспоминания о том, как сильно она хотела умереть. И как кто-то — возможно, Эонный, возможно, она сама — использовал это желание, чтобы заманить её в ловушку.

Библиотека Костей, — вспомнила Нина. — Мои жизни записаны в костях Древа. Если я прочитаю их — может быть, пойму, кто я на самом деле.

Она поднялась.

Пальцы коснулись стены. Шершавая. Тёплая. Пульсирующая.

И на ней — первые слова, вырезанные на древнем языке, который она каким-то чудом понимала:

«Жизнь №1. Нина. Рождена в коконе. Умерла от руки сестры. Перезагрузка.»

Нина провела пальцами по буквам.

И начала читать.

Стена Древа оказалась книгой.

Не метафорой. Буквально — книгой, где вместо страниц были слои древесины, а вместо букв — вдавленные в кору символы. Нина провела ладонью по шершавой поверхности, и под пальцами вспыхнула слабая серебряная подсветка — слова оживали, перетекали, складывались в предложения.

«Жизнь №1. Нина. Рождена в коконе. Умерла от руки сестры. Перезагрузка.»

Она читала дальше, ведя пальцами по строчкам, как слепой по шрифту Брайля. Символы были горячими — каждый словно хранил частичку той Нины, которая жила, сражалась, умирала.

«Жизнь №2. Нина. Перерождена через 12 часов. Убита Сборщиком на 3-й день. Дефект памяти. Перезагрузка.»

«Жизнь №3. Нина. Прожила 47 лет. Обучалась боевым искусствам в школе Эонного. Умерла от старости. Естественная смерть. Перезагрузка.»

«Жизнь №4. Нина. Перерождена через 6 часов. Сохранены навыки рукопашного боя. Убита в драке с...»

Дальше символы расплывались — кто-то старательно стёр имя убийцы. Или сама запись повредилась от времени. Нина нахмурилась, провела пальцем по стёртому месту — под пальцами пульсировала пустота.

Кто-то не хотел, чтобы я знала.

Она пошла вдоль стены. Древo уходило вверх на десятки метров, и каждый сантиметр коры был исписан. Тысячи. Десятки тысяч записей. Все её жизни. Все смерти. Все перезагрузки.

Нина остановилась у первого попавшегося фрагмента.

«Жизнь №234. Нина. Воительница-варвар. Убила 47 врагов в битве за Красные кристаллы. Умерла от потери крови. Перед смертью прокляла Сборщика. Перезагрузка.»

«Жизнь №235. Нина. Родилась с физическим дефектом — отсутствие левой руки. Убита Сборщиком через 2 минуты после рождения. Брак материала. Перезагрузка.»

«Жизнь №567. Нина. Дипломат-интриган. Внедрилась в Совет Древа, украли чертежи Нулевого Узла. Казнена за предательство. Перезагрузка.»

Нина провела пальцами по жизни №567. Перед глазами на секунду вспыхнуло лицо — женщина с её чертами, но с холодными, расчётливыми глазами. Дипломат. Лгунья. Шпионка.

Это я, — с удивлением понял Нина. — Я была ею. И той варваршей. И той, которую убили при рождении.

Она продолжила читать.

Жизнь №890 — жрица. Жизнь №1,203 — палач. Жизнь №1,456 — беглянка. Жизнь №1,789 — предательница. Жизнь №2,001 — герой.

«...умерла, прикрывая отступление детей. Перезагрузка.»

Нина замерла.

Дети. У неё были дети? Она провела пальцами по строке, но запись обрывалась — и дальше шла жизнь №2,002, снова боевая, снова кровавая.

Что случилось с теми детьми?

Ответа не было. Библиотека Костей хранила только факты о самой Нине. Те, кто был рядом, исчезали в пустоте, как имена на могильных плитах, стёртые ветром.

Она пошла дальше. Быстрее. Пальцы скользили по коре, выхватывая случайные фрагменты.

«...убила Сборщика №4. Первое задокументированное убийство Сборщика. Нина награждена...»

«...предала Эонного. Причина: неизвестна. Перезагрузка.»

«...отказалась перезагружаться. Кокон отверг тело. Сборщик №7 провёл принудительную...»

«...нашла вход в Нулевой Узел. Не смогла открыть. Умерла от...»

Нина остановилась.

Вот оно. Жизнь, в которой она подошла к Нулевому Узлу. Но запись снова была повреждена — символы расплывались, гасли, превращались в бессмысленные чёрные пятна.

«...Сборщик №9 стёр память. Полная перезагрузка. Жизнь №4,567.»

Четыре тысячи пятьсот шестьдесят семь жизней.

Нина прислонилась лбом к тёплой коре и закрыла глаза.

Сколько мне лет? — подумала она. — Если каждая жизнь — в среднем лет тридцать...

Больше ста тысяч лет.

Она жила сто тысяч лет. Умирала сто тысяч раз. Перерождалась в коконах, теряя память, но сохраняя навыки. И каждый раз Сборщик или кто-то другой стирал ей воспоминания, когда она подходила слишком близко к истине.

Истина — в Нулевом Узле.

Нина открыла глаза.

— Я хочу прочитать всё, — сказала она вслух.

Древо ответило.

Не голосом. Не вибрацией. Знанием, которое разлилось по телу, как тёплая вода. Библиотека Костей не была пассивным архивом. Она была живой. Она чувствовала тех, кто прикасался к ней.

Ты не готова, — сказала Древо. Без слов. Просто — смысл, вплавленный в её сознание. — Тысячи жизней — это тысячи ран. Если ты откроешь их все сразу, твой разум сломается.

— Меня уже ломали четырнадцать раз, — ответила Нина. — Ещё один — не страшно.

Ты не понимаешь. Твои прошлые «я» — не просто воспоминания. Они — личности. Каждая хочет жить. Каждая хочет говорить. Если тыпустишь их всех, ты перестанешь быть Ниной. Ты станешь толпой.

Нина молчала.

Она вспомнила слова из инструкции, которую никогда не читала: «В драке она проваливается в транс, и её телом начинает управлять жестокая воительница-варвар или хитрый дипломат-интриган».

Так вот что это значит. Она не просто «вспоминает» навыки. Она уступает место тем, кто жил до неё.

— А если я не хочу быть толпой? — спросила Нина. — Если я хочу быть собой?

Тогда не читай всё. Выбери одну жизнь. Ту, которая нужна тебе сейчас.

Нина задумалась.

Жизнь №1,234 — воительница-варвар. Жестокая. Сильная. Умеет убивать голыми руками. Но она — ублюдок, как сказано на шарике из кармана. Она сломалась. Её перезагрузили за что-то.

Жизнь №567 — дипломат-интриган. Хитрая. Умеет лгать, убеждать, плести заговоры. Но она — предательница. Её казнили.

Жизнь №3 — долгожительница, ученица Эонного. Мудрая. Опытная. Но она умерла от старости — значит, не успела узнать главного.

Жизнь №4,567 — та, последняя, чьи трупы лежат в пустыне. Та, которая знала путь к Нулевому Узлу. Её память стёрли намеренно.

Выбирай, — поторопило Древо. — Стражи скоро вернутся. Корни — только первая линия обороны.

Нина глубоко вдохнула.

И выбрала.

— Жизнь №567, — сказала она. — Дипломат. Предательница. Та, которую казнили.

Почему она?

— Потому что воительница умеет убивать, но не умеет думать. А дипломат — умеет. И если я хочу перехитрить Сборщика и найти Нулевой Узел, мне нужен не кулак. Мне нужен ум.

Древо молчало три удара сердца.

Потом кора под пальцами Нины нагрелась — и мир исчез.

Воспоминание.

Она — дипломат. Сидит в роскошном зале за столом из чёрного дерева. Напротив — Совет Древа. Семь фигур в серебряных мантиях, с лицами, скрытыми масками.

— Ты украла чертежи, Нина, — говорит центральная фигура. Голос — механический, без пола и возраста. — Признай вину, и мы казним тебя быстро.

— Я не крада, — отвечает она. Своим голосом — но интонации чужие. Тонкие. Расчётливые. Каждое слово взвешено на невидимых весах. — Я вернула чертежи туда, откуда их украли вы.

— Что?

— Нулевой Узел не принадлежит Совету. Он принадлежит всем умершим. Вы храните код перерождения в тайне, потому что боитесь, что кто-то отменит смерть. Но я...

Она замолкает. Улыбается. Такая улыбка — хитрая, кошачья — никогда не появлялась на лице Нины-варварши.

— Я уже отправила копию чертежей в три разных города. Через час о Нулевом Узле узнают все. Вы не сможете казнить меня быстрее, чем информация распространится.

Совет молчит.

Потом центральная фигура поднимает руку.

— Ты ошибаешься, Нина. Мы не будем тебя казнить. Мы сотрём тебе память и сделаем из тебя послушного Ключа. А твою копию чертежей... перехватят Сборщики. Уже перехватили.

Улыбка сползает с её лица.

— Нет.

— Да. Прощай, Нина. Или — до свидания? Ты всё равно не запомнишь этого разговора. Вспышка.

И Нина — настоящая Нина, та, что стояла внутри Древа, — упала на колени, держась за голову.

Перед глазами всё плыло. В ушах звенело. Но в голове — чёткое, ясное знание:

Дипломат не предавала Совет. Она пыталась открыть Нулевой Узел для всех. И за это ей стёрли память.

А чертежи... чертежи, которые она разослала, были фальшивыми. Настоящие — у неё в голове. В той части памяти, которую Сборщики не нашли, потому что она спрятала их в мышечной памяти.

Нина поднялась.

Тело дрожало, но впервые за всё время — не от страха. От ярости.

Она повернулась к выходу из Древа. Там, в пустыне, корни всё ещё ждали. Стражи. Но Нина знала, как пройти мимо них. Дипломат знал.

— Эй, — сказала она пустоте. — Сборщик. Я знаю, ты слушаешь.

Тишина.

— Передай Совету: я иду за Нулевым Узлом. И в этот раз вы не сотрёте мне память. Потому что я записала её сюда.

Она постучала себя по виску.

— И сюда, — добавила, сжимая кулак. Бицепс вздулся — в нём, в каждой мышце, в каждой кости, было записано больше, чем в любой библиотеке.

Мышечная память не стирается.

Нина шагнула в проход.

Пустыня встретила её фиолетовым светом и тишиной. Корни замерли. Они смотрели на неё — она чувствовала их взгляд.

Но не трогали.

Потому что она шла не как жертва. Она шла как та, кто помнит.

— Жизнь №567, — прошептала Нина, выходя из Древа. — Спасибо за подсказку.

В кармане пульсировал компас. И где-то там, за горизонтом, ждал Нулевой Узел.

Библиотека всех душ.

Код перерождения.

И ответ на главный вопрос: как умереть по-настоящему.

Нина усмехнулась.

— Но сначала, — сказала она, — я хочу пожить. Хотя бы одну жизнь — по-настоящему.

Без перезагрузок. Без чистой памяти.

Она сделала шаг в пустыню.

И компас повёл её дальше.

Глава 2. Танцы на костях

Нина шла три часа.

Компас не врал — светящаяся точка вела её на северо-восток, прочь от Древа, вглубь пустыни. Серый песок постепенно сменялся щебёнкой, щебёнка — битым стеклом. Не обычным, а каким-то мутным, молочным, с вкраплениями черноты. Стекло хрустело под ногами, как сухой снег.

Осколки снов, — подсказало тело. Старое знание, всплывшее из мышечной памяти. — Когда бог умер, его сны окаменели. Но некоторые — разбились.

Нина подняла один осколок. Края были острыми, как бритва. Сквозь мутную поверхность проступало лицо — не её, чужое. Мужчина с рыбьими глазами и ртом, растянутым в вечном крике.

Она бросила осколок. Лицо исчезло.

Впереди показались строения.

Сначала Нина подумала, что это скалы — серые, зубчатые, торчащие из земли под разными углами. Но чем ближе она подходила, тем яснее становилось: это город. Руины. Здания без окон, с провалившимися крышами и стенами, покрытыми трещинами.

Кристалльная Сфера, — вспомнила Нина. — Мир, где реинкарнация — технология. А города — памятники тем, кто отказался перерождаться.

Она вошла в город через арку, когда-то бывшую воротами. Сверху всё ещё висела табличка с символами — Нина прочитала их без труда, хотя не понимала, откуда знает этот язык.

«Станция перезагрузки №7. Город Тысячи Коконов.»

Город был мёртв.

Но смерть здесь была не тихой. Кто-то разбил коконы — тысячи коконов, висевших когда-то на стенах, на крышах, на балконах. Осколки скорлупы валялись повсюду, смешиваясь с битым стеклом и чёрными кристаллами. А внутри осколков — высохшие тела. Женщины. Все — женщины. Все с одинаковыми лицами.

Моими лицами.

Нина остановилась у одного из тел. Оно лежало в позе эмбриона, руки прижаты к груди, ноги подтянуты к животу. Кожа — серая, пергаментная, натянутая на кости так плотно, что просвечивали рёбра. Глаза закрыты. Рот приоткрыт, будто она застыла в последнем вздохе.

Жизнь №3,456, — прочитала Нина на обрывке скорлупы. — Причина смерти: отказ от перезагрузки.

Она перевела взгляд на следующее тело.

Жизнь №3,457. Причина смерти: отказ от перезагрузки.

Жизнь №3,458. Причина смерти: отказ от перезагрузки.

Жизнь №3,459...

Целая улица, заваленная трупами. Сотни. Тысячи. Все — она. Все — отказались перерождаться.

Почему? — подумала Нина. — Зачем умирать насовсем, если можно жить вечно?

Она не успела найти ответ.

Потому что в конце улицы что-то шевельнулось.

Нина пригнулась, выхватила нож. Тело встало в стойку автоматически — левая нога вперёд, правая сзади, вес на носках, нож обратным хватом.

Кто там?

Шевеление повторилось. Кто-то — или что-то — перебиралось через баррикаду из разбитых коконов. Медленно. Неуклюже. Не как хищник — как раненый зверь.

Нина ждала.

Из-за баррикады показалась рука. Человеческая. Женская. Вся в ссадинах и чёрной засохшей слизи. Потом — плечо. Потом — голова.

Другая Нина.

Живая.

Она была старше — лет на десять, на пятнадцать. Лицо в морщинах, волосы седые, спутанные. Одежда — такой же чёрный комбинезон, но изодранный в клочья. В правой руке — обломок трубы, заточенный с одного конца. В левой — маленький светящийся шар, похожий на компас, но больше.

Они смотрели друг на друга десять секунд.

— Ты — тоже я, — сказала старшая. Голос хриплый, как будто она не говорила годами. — Какая по счёту?

Нина не знала. Она провела рукой по карману, достала шарик с гравировкой. «Жизнь №1,234 — ублюдок сломался, перезагрузка».

— Последняя, которую я помню — 1,234, — сказала Нина. — Но вообще я прочитала в Древе, что их больше четырёх тысяч.

Старшая усмехнулась. Беззубым ртом.

— Четыре тысячи? Милая, ты даже не представляешь. Я — жизнь №12,789. И я не перезагружалась уже... — она задумалась, — ...лет двести? Триста? Здесь нет времени.

Нина опустила нож. Не потому, что доверяла. Просто старшая была настолько измождённой, что не представляла угрозы.

— Почему ты не перезагружаешься? — спросила Нина.

— А зачем? — Старшая плюнула на землю. Слюна была чёрной. — Чтобы снова стать пустым листом? Чтобы Сборщик снова записал на меня то, что ему нужно? Нет. Я лучше сгнию здесь, среди таких же, как я.

Она обвела рукой улицу с трупами.

— Мы — отказники. Те, кто сказал «нет» технологии бессмертия. Совет называет нас бракованной партией. Сборщики — сломанными душами. А мы... мы просто устали.

Нина молчала.

Она смотрела на улицу, заваленную своими же трупами, и чувствовала странное спокойствие. Не страх. Не отвращение. Какое-то глухое, древнее понимание.

Я тоже устала, — подумала она. — Я не помню, сколько живу, но тело помнит. Оно помнит каждую смерть. Каждую боль. Каждое предательство.

— Я ищу Нулевой Узел, — сказала Нина. — Ты знаешь, где он?

Старшая подняла на неё глаза. В них — ни удивления, ни надежды. Только пустота.

— Все мы искали, — сказала она. — В какой-то из жизней — сто, двести, пятьсот назад — я тоже искала. Дошла почти до конца. Но Сборщик поймал меня у входа. Стёр память. Я очнулась в коконе, как новорождённая, и поняла: больше не хочу.

Она кивнула на светящийся шар в левой руке.

— Это — ключ-указатель. Я украла его у Сборщика в жизни №11,234. Он ведёт к Нулевому Узлу. Но я не могу идти дальше. Не хочу.

— Дай его мне, — попросила Нина.

Старшая засмеялась. Сухо, надрывно, переходя в кашель.

— Зачем? Чтобы ты повторила мою ошибку? Чтобы Сборщик поймал и тебя? Чтобы ты проснулась в коконе, ничего не помня, и снова пошла по этому кругу?

— У меня есть то, чего не было у тебя, — ответила Нина.

— И что же?

— Я помню. Не всё. Но достаточно. Я знаю, что моя память живёт не в мозге. Она — в мышцах. В костях. В каждой клетке. Сборщик может стереть воспоминания, но он не может стереть моё тело.

Нина сжала кулак, и бицепс вздулся, обозначая рельеф под тканью комбинезона.

— Я — живой архив. И я дойду до конца.

Старшая молчала долго.

Потом протянула ключ-указатель.

— Бери, — сказала она. — Но обещай мне одну вещь.

— Какую?

— Когда найдёшь Нулевой Узел... не открывай его сразу. Посмотри вокруг. Подумай. Может быть, код перерождения — не то, что тебе нужно. Может быть, смерть — не выход.

Нина взяла шар. Он был тёплым и пульсировал в такт её сердцу — так же, как компас.

— Не обещаю, — сказала она честно. — Но я подумаю.

Старшая кивнула. Откинулась на грудь коконов. Закрыла глаза.

— Тогда иди, — прошептала она. — Иди, жизнь №1,234. Или кто ты там есть. Иди и сломай эту проклятую систему.

Нина повернулась и пошла по улице, перешагивая через собственные трупы.

Шар в руке светил ярче компаса, указывая не просто направление — а путь. Нина видела его: тонкую серебряную нить, протянутую от шара к горизонту. Нить проходила через руины, через трещины в земле, через чёрные кристаллы — и терялась где-то далеко, за холмами.

Она пошла по нити.

И не оглядывалась.

Нить вела её через город Тысячи Коконов.

Она шла по центральной улице, мимо зданий с выбитыми окнами. Внутри некоторых ещё теплились огни — тусклые, фиолетовые, похожие на гнилушки. Нина заглянула в одно такое окно и увидела комнату, полную коконов. Маленьких. Размером с младенца.

Детские, — поняла она. — Коконы для тех, кто умер слишком молодым.

Но коконы были пусты. Или — не пусты. Внутри одного лежало нечто, похожее на зародыша — скрюченное, с огромной головой и крошечными руками. Оно не дышало. Оно светилось изнутри слабым серебряным светом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.